
МОРФОЛОГИЯ

УДК 81.2.2

DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-78-88

Грамматикализованная сенсорная эвиденциальность как типологическая особенность языков Северной Азии

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья ориентирована на выявление и типологическое сопоставление грамматикализованной в системе глагола сенсорной эвиденциальности в языках коренных этносов Северной Азии. На языковом материале архаичных текстов традиционного фольклора самодийцев и юкагиров с привлечением данных алеутского языка прослежено употребление сенсорно-эвиденциальных глагольных граммем и форм в коммуникативных ситуациях типичных актов речевой коммуникации. Выделены диахронически ранние коммуникативные функции и значения северноевразийских сенсорно-эвиденциальных глагольных форм. Аргументировано, что базовым значением данных глагольных форм является указание на слуховое восприятие невидимых референтных ситуаций. Сенсорно-эвиденциальные глагольные формы грамматически выделяли невидимые ситуации, репрезентированные в языковых сообщениях, противопоставляя их ситуациям, установленным визуально, то есть видимым. С учетом данных исторической этнологии это объясняется в статье как грамматикализованное отражение в языке фундаментальной ментальной оппозиции древнего мифологического типа мышления – оппозиции видимого и невидимого, – что позволяет высказать предположение о том, что сенсорно-эвиденциальные глагольные граммемы являются диахронически ранними эвиденциальными граммемами.

Ключевые слова

грамматикализованная сенсорная эвиденциальность, языки Северной Азии, самодийские и юкагирские языки, оппозиция видимых и невидимых ситуаций

Для цитирования

Ильина Л. А. Грамматикализованная сенсорная эвиденциальность как типологическая особенность языков Северной Азии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 78–88. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-78-88

© Л. И. Ильина, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

Grammaticalized sensory evidence as typological peculiarity of the North Asian languages

L. A. Ilyina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper defines a semantic zone of non-visual sensory evidence, grammaticalized in the verbal system, as “sensory evidence.” Sensory evidence grammaticalized in the verbal system is rare in contemporary languages. It is likely to be found in languages that are or were used in the recent past traditional cultures of ancient origin. Many Eurasian languages have evidential grammatical verbal forms, with most not having sensory evidential forms. Such verbal forms were known as auditive in Eurasia only in four Samoyedic languages: Nenets, Enets, Nganasan, and Selkup. Recently, the traditional Yukaghir folklore archaic texts collected by V. I. Jochelson in the late 19th – early 20th centuries revealed similar grammatical and semantic analog of Samoyedic auditive, suggesting sensory evidential verbal grammemes to be more widespread in the past in the languages of aboriginal Northern Asia peoples, in diachronic retrospective. Our main goal was to identify the inter-disciplinary evidence of diachronically earlier communicative functions and meanings of Northern Asian sensory evidential verbal forms. These functions and meanings are most informatively presented in the archaic texts of Nenets traditional folklore, especially shaman songs and heroic epos. The paper proves basic semantics of the Northern Samoyedic sensory evidential grammemes to refer to the auditive perception of non-visible situations (events). Thus, non-visible events were opposed grammatically to visual situations by verbal forms concerned. Considering historical ethnology data in an interdisciplinary way, the author explains the fact above as a grammaticalized language replica of fundamental mental opposition of ancient mythological thinking – the opposition of visible and non-visible situations.

Keywords

grammaticalized sensory evidence, Northern Asia languages, Samoyedic and Yukaghir languages, opposition of visible and non-visible situations

For citation

Ilyina L. A. Grammatikalizovannaya sensornaya evidentsial’nost’ kak tipologicheskaya osobennost’ yazykov Severnoy Azii [Grammaticalized sensory evidence as typological peculiarity of the North Asian languages]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 78–88. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-78-88

Термином «сенсорная эвиденциальность» в современной зарубежной и отечественной лингво-типологической литературе, посвященной категории эвиденциальности, в настоящее время принято обозначать семантическую зону незрительной чувственной засвидетельствованности. То есть содержание понятия «сенсорная эвиденциальность» включает указания на все чувственные источники информации говорящего о сообщаемой ситуации, кроме зрительных, «визуальных». Например, на слуховое восприятие ситуации, осязание, обоняние, внутренние ощущения и другие незрительные чувственные источники информации. Такое понимание сенсорной эвиденциальности представлено, например, в авторитетных лингво-типологических работах А. Ю. Айхенвальд [Aikhenvald, 2004] и В. А. Плуногьяна [Плуногьян, 2000; 2011]. В этих работах, как и в данной статье, речь идет не вообще о семантике сенсорной эвиденциальности, а о ее грамматикализованности в ряде языков мира, причем грамматикализованности в их глагольных системах. В этих языках существуют особые глагольные формы со специальными морфологическими показателями, выражающими сенсорно-эвиденциальные значения. Данные сенсорно-эвиденциальные глагольные формы выполняют в предложении синтаксическую роль сказуемого. Вследствие этого указание на незрительные чувственные источники информации является в таких языках грамматически обязательным в определенных типичных коммуникативных актах.

Примеры таких типичных актов речевой коммуникации, выявленные нами на материале североазиатских языков, представлены ниже. Эти примеры призваны проиллюстрировать, что сенсорно-

эвиденциальные глагольные формы, обозначенные в статье принятым в самодистике термином «аудитив», грамматически выделяют в сообщениях невидимые референтные ситуации.

Особенно рельефно грамматическое выделение невидимых ситуаций иллюстрируется примерами (1) – (14). Эти примеры из языка традиционного фольклора ненцев, в котором такие акты речевой коммуникации документированы наиболее информативно.

1. Данные ненецкого языка. Варианты показателя ненецкого аудитива: =во'=(=мо'=); =вон'=(=мон'=); =вано'=(=мано'=) =ванон'=(=манон'=). Грамматикализованная в данных показателях сенсорно-эвиденциальная семантика переведена нами приблизительным русским лексическим эквивалентом =слышно=.

1.1. Персонаж, находящийся внутри чума, сообщает о невидимой ситуации, происходящей снаружи, вне чума.

(1) нен.

...šib̄ ʃiēē ʒq̄w̄t̄ mākk̄q̄d̄ j̄iñš̄l'ē. p̄iχiññe š̄id'e ʒāš̄q̄β̄β̄p̄tō=β̄β̄q̄n̄ōn=ɟi''(подъехать=AUD=3DU).

...horcht der Siebenklafter-Ostjake vom Zelte aus: **man hört**, dass auf den Hof zwei Männer **gekommen sind** (Lehtisalo, 1947, s. 87) 'Высокорослый чужеземец из чума **слышит**: снаружи два ненца **подъехали=слышно**.'

(2) нен.

Мят' тю. ... Амды, атена. **Намдорната хибява мят' то=ванон=да** (прийти=AUD=3SG). **Намдорната ламбида ека=вон=да** (снять=AUD=3SG) 'Вошла в чум. ... Сидит, ждет. **Слышит**, кто-то к чуму **подошел, слышит**, лыжи снял.' (Ненецкий фольклор, 1960, с. 68–69; 73)

'В чум вошла. ... Сидит, ждет. **Слышит**: кто-то к чуму **подошел=слышно, слышит**: лыжи **снял=слышно**.'

(3) нен.

Сэлха ңацекэ мяд' **хынамза=ванон=да** (причитать=AUD=3SC).

'Светловолосый парень, **слышно, жалобно причитает**, [проходя] по боковой стороне чума.' (Терещенко 1999, с. 60; 71)

'Светловолосый парень, [проходя] по боковой стороне чума, **жалобно причитает=слышно**.'

(4) нен.

Пихи – пихиня Нохо ңацекы-ңацекы **то=вон=да** (приехать=AUD=3SG).

'На улице (букв.: на уличной улице) Мальчик из рода Нохо, **слыхать, приехал**.' (Терещенко, 1999, с. 192; 205)

'Снаружи (вне чума) Мальчик из рода Нохо **приехал=слышно**.'

(5) нен.

Ю'' Сюдбярка **торха=ванон=до'** (приехать=AUD=3PL), *пихи-пихиня* **ядэсумб=вон=до'** (похаживать=AUD=3PL).

'Десять Полувеликанистых, **слыхать, приехали**, по улице **похаживают**.' (Терещенко, 1999, с. 275; 282)

'Десять Полувеликанистых **приехали=слышно**, снаружи (вне чума) **похаживают=слышно**.'

(6) нен.

Ва'ван ни' хона'мадан эдалёда'е **нулта=воно=да** (остановить=AUD=3SG).

'Когда я улегся на постель, **слышно**, ездук **остановился**.' (Куприянова, 1965, с. 347; 358)

'Когда я улегся на постель, снаружи ездук **остановился=слышно**.'

1.2. Персонаж, находящийся снаружи, вне чума, сообщает о невидимой ситуации, происходящей внутри чума:

(7) нен.

Понггарта Хасава мяд' тю, Мосекор нгани пихиня мэ, мяд' нё' хэвхана, инчиле.

Мякана лахана=вон=ту' (разговаривать=AUD=3PL). *Понггарта Хасава ма=монон=та* (сказать=AUD=3SG): – *Мерку' хэванчъ хамэдад''!*

‘Мужчина-Рыболов вошел в чум, Мосеко же остался снаружи. Он стоит возле входа в чум и **слушает**. В чуме **разговаривают, слышно**, как Мужчина-Рыболов **сказал**: – Быстро приготовься к отъезду!’ (Ненецкий фольклор 1995, с. 41; 50)

‘Мужчина-Рыболов в чум вошел. Мосеко же находится снаружи, возле входа в чум, **слушает**: в чуме **разговаривают=слышно**, Мужчина-рыболов **сказал=слышно**: – Быстрее к отъезду приготовься!’

(8) нен.

Мят' тэвы', инзеле. Мякна пухуця небяда яр=мон=да (плакать=AUD=3SG), *лахана=вон=да* (говорить=AUD=3SG): – *Теда' апаричэ хаим'.*

‘Он подъехал и **слушает**: в чуме **плачет** старушка-мать, она, **слышно, говорит**: – Теперь я осталась одна.’ (Куприянова, 1965, с.180; 188)

‘К чуму подъехал, **слушает**: в чуме старуха-мать **плачет=слышно, говорит=слышно**: – Теперь я осталась одна.’

(9) нен.

Мяд' хазона ти изелем'. Няр' хасава лаханако=вон=до' (разговаривать=AUD=3PL).

‘Вот я **слушаю**, [стоя] около чума. **Слышно, говорят** трое мужчин.’ (Куприянова, 1965, с. 477; 501)

‘Чума около вот **слушаю**: три ненца-мужчины **разговаривают=слышно**.’

(10) нен.

(Лакханакор) Ёнэй манту' мяд' макодан' нгамты'', инчеле: Ёнэй мантор ма=монон=та (сказать=AUD=3SG): – *Неками тован' ни харва''.*

‘Села сказка на верхушку чума среднего энца и **слушает**. Средний энец, **слышно, говорит**: – Мой старший брат не возвращается.’ (Ненецкий фольклор, 1995, с. 107; 109-110)

‘(Сказка) Среднего энца чума на верхушку села, **слушает**: Средний энец **сказал=слышно**: – Мой старший брат не возвращается.’

1.3. Примеры типичных актов речевой коммуникации в сакральной сфере общения.

Шаман в процессе камлания сообщает собравшимся о прибытии и поведении своих невидимых духов-помощников:

(11) нен.

šid'ǰ'e·šib βīδūttaññə·šimsj·pāñtu'' jāmwárìñ'' tǰñtu'' ɣamtǰ·δǰ=ββǰññ=tu'' (усаживаться=AUD=3PL)

Zwei(mal) sieben Schneidegeister die šimsj-Zeltstange entlang, wie es sich gehört, hörte man sich setzen. (Lehtisalo, 1947, с. 474)

‘Дважды семь духов вдоль нижнего края симзы (священного шеста чума) **усаживаются=слышно**.’

(12) нен.

šib χārβ ηām̄tl 'ōδəʰ jirīkkōm̄m̄ū'' ɣ̄ə=ββoñ=ɣəʰ (прийти=AUD=3 SG).

Den Sitzenden von sieben Lärchenbaumen meinen Grossvater, hörte man kommen. (Lehtisalo, 1947, с. 480)

‘Дух семи лиственниц, мой дедушка, **пришел=слышно**’.

(13) нен.

Jē̄c̄ē̄i! šiβm'' tō̄t̄c̄ mīn̄l'eī mōkkōd̄ān̄ūn̄ šārmān'' ž̄ām̄t̄c̄=β̄ōn̄=t̄c̄ (усаживаться=AUD=3SG).

*Siebenflügligen Minlei an die Bindestelle der Rauchöffnung **hörte man sich setzen.*** (Lehtisalo, 1947, с. 531)

‘Семикрылый минлей на шест к дымовому отверстию чума **усаживается=слышно.**’

(14) нен.

Контекст: шаман, камлая, обращается к своему вызванному и прибывшему духу-помощнику, который невидим.

š̄iβ(ā)m̄ t̄ō̄t̄a χ̄ānawāi! tā̄χ̄āv̄ t̄ā̄d̄(ā) t̄ō̄=β̄β̄an̄ō̄n̄=t̄ (прийти=AUD=2SG).

*Siebenflügliger Habicht! Dennoch **hörte man dich kommen.*** (Lehtisalo, 1947, с. 471).

‘Семикрылый ястреб! Все-таки ты **пришел=слышно.**’

Подчеркнем, что в коммуникативных ситуациях шаманского обряда сенсорно-эвиденциальная граммема аудитива указывала на слуховое восприятие только ситуации невидимой, и не на обычное ее слуховое восприятие, а на восприятие сакральное, доступное только чувственной интуиции камлающего шамана.

В других самодийских языках и в юкагирских языках подобные коммуникативные акты документированы значительно менее информативно. Тем не менее, в языке архаичных фольклорных текстов северных, тазовских, селькупов и верхнеколымских юкагиров прослеживается употребление сенсорно-эвиденциальных глагольных граммем и грамматических форм аудитива для выделения невидимых ситуаций. Сообщения о невидимых ситуациях противопоставлялись сообщениям о ситуациях видимых. В них употреблялись в роли сказуемого другие, не сенсорно-эвиденциальные глагольные формы, например, показатель косвенного визуалиса $= (n)t(V) =$ (латентив) в селькупском языке.

2. Данные селькупского языка. Противопоставленность невидимых и видимых ситуаций. Показатель селькупского аудитива: $=kunä=$.

2.1. Употребление селькупского аудитива при указании на невидимую ситуацию:

(15) сельк.

Ukkyr contōqyt pit contyl' kotāqyt aj nil' cyk üntyññyty: aj kos qaj na tū=kunä (прийти=AUD=3SG).

‘Вдруг в полночь опять так (=вот что) **услышал**: опять кто-то **пришел.**’ [Кузнецова и др., 1993, с. 38; 83]

‘Однажды в полночь опять так **слышит**: опять кто-то вот **пришел=слышно.**’

2.2. Употребление селькупского латентива (косвенного визуалиса) при указании на видимую ситуацию. Показатель латентива: $= (n)t(V) =$:

(16) сельк.

(Jca) Mannypaty: naryt qoltōqyt ž̄āt kuralymmy=nt̄c̄=tyt (ходить=LAT=3PL).

‘**Смотрит**: на поле тундры олени **ходят.**’ [Кузнецова и др., 1993, с. 13; 52].

‘(Ича – герой мифов) **Смотрит (видит)**: на полосе тундры олени **ходят=видно.**’

3. Данные юкагирского языка. Противопоставленность невидимых и видимых ситуаций. Юкагирский аудитив – аналитическая форма: деепричастие на $(l)lā + mod = (mād =)$, восходящий к основе глагола $modi = (mādi) =$ ‘быть слышным’.

(17) юк. к.

Контекст: на спящих юкагиров напали враги. Герой, услышав снаружи крики девушки, входит в жилище и видит реальную ситуацию, ранее воспринятую только на слух.

Móóim – tínätañ márxil órnällä móóič (кричать=AUD=3SG), *júom – nai chánna xóóoi, túdá jondóçäglä túdá-будіа атахун нугónä móim*. (Иохельсон, 1900, с. 139).

‘Слышит, упомянутая девушка **кричит, смотрит**: девушка на спине **лежит**, свое одеяло над собой обеими руками **держит**.’ (Иохельсон, 1900, с. 138–139)

‘Слышит: та (ранее названная) девушка (márxil) **крича-слышна, видит**: молодая женщина (nai) на спине **лежит (это видно)**, свое одеяло над собой двумя руками **держит (это видно)**, в таком положении находясь, **кричит (это видно)**.’

(18) юк. к.

Персонаж воспринимает на слух невидимое событие:

Yógitaґa túdá ämäin mónni: «*Ämä, äçä källä móóič* (прийти=AUD=3SG), *çuçgi móóič*.

‘Ребенок своей матери сказал: «Мама, отец **пришел**, голос его слышен».’ (Иохельсон, 1900, с. 150)

‘Ребенок своей матери сказал: «Мама, отец **пришел=слышно**, голос его слышен».’

Подчеркнем, что базовым значением и самодийского, и юкагирского аудитива является указание на слуховое восприятие невидимой ситуации. Обязательная противопоставленность невидимых и видимых ситуаций была, вероятно, и в языке традиционного фольклора алеутов. В целях констатации очевидных, на наш взгляд, лингво-типологических параллелей с самодийскими и юкагирскими языками приведем языковой материал алеутского фольклорного текста «Женщина-песец», опубликованного В. И. Иохельсоном [Иохельсон, 1934, с. 147–148]. В данном тексте последовательно выделяются невидимые ситуации, установленные фольклорным персонажем только посредством слухового восприятия, то есть аудитивно, также как в самодийских и юкагирских языках. Есть и их противопоставленность ситуациям видимым, установленным посредством зрительного восприятия, то есть визуально.

4. Данные алеутского языка. Противопоставленность невидимых и видимых ситуаций.

(19) алеут.

Aḡalix ‘inakux ‘-ḡan anqaqin tanāqakun tutāqalīnax ‘.

‘День когда окончился, (что) люди в селение пришли, (она) **начала слышать**.’ (Иохельсон, 1934, с. 147)

(20) алеут.

...atakun tajaqun qaḡīqadamdin txidin-qujukun tutanax ‘.

‘...те люди, после того как вошли, легли, – **она слышала**.’ (Иохельсон, 1934, с. 147).

(21) алеут.

aḡajax axtxadagim itikux ‘, ukuxtakū, nagwa.

‘Скоро после того как встал, он вышел, **она увидела** вот.’ (Иохельсон, 1934, с. 148)

Важно отметить, что синтаксические конструкции данного алеутского текста – это развернутые инкорпоративные комплексы. Следовательно, в диахронии алеутского языка были, по-видимому, противопоставлены инкорпоративные слова-предложения с эвиденциальными компонентами, указывающие на невидимые или на видимые ситуации.

Грамматически обязательную в ряде языков мира (и языков Северной Азии) противопоставленность чувственно засвидетельствованных невидимых и видимых ситуаций возможно, по нашему мнению, объяснять как отражение системами этих языков в диахронической ретроспективе фундаментальной ментальной оппозиции древнего мифологического типа мышления – оппозиции видимого и невидимого. Это

одна из центральных бинарных оппозиций мифологического типа мышления [Леви-Строс, 1983]. Е. А. Мелетинский в работе «Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса» подчеркивает: «Анализ Леви-Строса демонстрирует, что мифологическая мысль оперирует обширным набором бинарных оппозиций ... исходным материалом этих бинарных оппозиций служат чувственные свойства, познаваемые пятью органами чувств» [Мелетинский, 1983, с. 504–505]. Это дает основание предполагать, что в аспекте диахронической типологии сенсорно-эвиденциальные глагольные граммы и грамматические формы являются древними по происхождению, диахронически ранними, а возможно, даже и генетически первичными эвиденциальными граммами.

В истории изучения глагольной категории эвиденциальности (или засвидетельствованности) сенсорно-эвиденциальные глагольные формы и граммы описывались преимущественно на материале языков американских индейцев [например: Willett, 1988]. Отметим, что эскимосско-алеутские языки традиция американистики относит к индейским языкам. Поэтому данные об особенностях грамматикализации сенсорной эвиденциальности в эскимосско-алеутских языках важны для межконтинентального лингвотипологического сопоставления языков народов Северной Азии и Северной Америки.

В данной связи весьма интересно, что в шаманских обрядах и самодийские, и юкагирские шаманы употребляли сенсорно-эвиденциальные глагольные формы в сообщениях о действиях своих духов-помощников, которые считались невидимыми.

Вообще же, в современных языках мира грамматикализованная сенсорная эвиденциальность встречается редко и только в тех языках, которые обслуживают или обслуживали в недавнем прошлом традиционные этнические культуры древнего происхождения. Так, во многих языках Евразии имеются эвиденциальные глагольные граммы и грамматические формы. Однако сенсорно-эвиденциальные граммы и грамматические формы в подавляющем большинстве этих языков отсутствуют. До недавнего времени сенсорно-эвиденциальные граммы были известны в Евразии под термином «аудитив» только по материалам четырех самодийских языков: ненецкого, энецкого, нганасанского и селькупского. Но недавно близкий грамматико-семантический аналог самодийского аудитива был выявлен нами в архаичных текстах традиционного юкагирского фольклора, записанных В. И. Иохельсоном в конце XIX – начале XX вв. [Ильина, 2010; 2016]. Это дает основание предполагать, что в прошлом, в диахронической ретроспективе, сенсорно-эвиденциальные граммы были значительно более широко распространены в языках Евразии, в частности, в уральских и алтайских языках.

Модернизация традиционных этнических культур древнего происхождения привела к постепенной утрате мифологического типа мышления с его фундаментальной бинарной оппозицией видимого и невидимого. В результате была утрачена коммуникативная потребность в грамматически обязательном выделении языками невидимых ситуаций. Вследствие этого сенсорно-эвиденциальные глагольные формы либо элиминировались, как, например, аудитив в селькупском языке [Кузнецова и др., 1980, с. 242; 247], либо кардинально изменялись семантически, например, модализовались, утрачивая не только базовые сенсорно-эвиденциальные значения, но и вообще эвиденциальную семантику.

2.2. Употребление селькупского латентива (косвенного визуалиса) при указании на видимую ситуацию. Показатель латентива: $=(n)t(V)=$:

(16) сельк.

(*Jca*) *Mannypaty*: *ńaryt qoltōqyt ǰāt kuralymmy=ntǰ=ɣyt* (ходить=LAT=3PL).

‘Смотрит: на поле тундры олени **ходят**.’ [Кузнецова и др., 1993, с. 13; 52].

‘(Ича – герой мифов) **Смотрит (видит)**: на полосе тундры олени **ходят=видно**.’

3. Данные юкагирского языка. Противопоставленность невидимых и видимых ситуаций. Юкагирский аудитив – аналитическая форма: деепричастие на (л)lä+ мод= (мэд=), восходящий к основе глагола *modi*=(мэди) – ‘быть слышным’.

(17) юк. к.

Контекст: на спящих юкагиров напали враги. Герой, услышав снаружи крики девушки, входит в жилище и видит реальную ситуацию, ранее воспринятую только на слух.

Мбдiм – тiнiтaтaң мiрxiл брiнiллi мбдiч (кричать=AUD=3SG), *јум – пi чiнмa хбдi, тудi јондoцiгiлi тудi-будиi атахун нугонi мбiм*. (Иохельсон, 1900, с. 139).

‘Слышит, упомянутая девушка кричит, смотрит: девушка на спине лежит, свое одеяло над собой обеими руками держит.’ (Иохельсон, 1900, с. 138–139)

‘Слышит: та (ранее названная) девушка (мiрxiл) крича-слышна, видит: молодая женщина (пi) на спине лежит (это видно), свое одеяло над собой двумя руками держит (это видно), в таком положении находясь, кричит (это видно)’.

(18) юк. к.

Персонаж воспринимает на слух невидимое событие:

ҮгiтaҒa тудi амiн моннi: «Амi, ачiй кiллi мбдiч (прийти=AUD=3SG), *ацугi мбдiч*.

‘Ребенок своей матери сказал: «Мама, отец пришел, голос его слышен».’ (Иохельсон, 1900, с. 150)

‘Ребенок своей матери сказал: «Мама, отец пришел=слышно, голос его слышен».’

Подчеркнем, что базовым значением и самодийского, и юкагирского аудитива является указание на слуховое восприятие невидимой ситуации. Обязательная противопоставленность невидимых и видимых ситуаций была, вероятно, и в языке традиционного фольклора алеутов. В целях констатации очевидных, на наш взгляд, лингво-типологических параллелей с самодийскими и юкагирскими языками приведем языковой материал алеутского фольклорного текста «Женщина-песец», опубликованного В. И. Иохельсоном [Иохельсон, 1934, с. 147–148]. В данном тексте последовательно выделяются невидимые ситуации, установленные фольклорным персонажем только посредством слухового восприятия, то есть аудитивно, также как в самодийских и юкагирских языках. Есть и их противопоставленность ситуациям видимым, установленным посредством зрительного восприятия, то есть визуально.

4. Данные алеутского языка. Противопоставленность невидимых и видимых ситуаций.

(19) алеут.

Aḡalix ‘inakux ‘-ḡan anqaqin tanāqakun tutāqalinx ‘.

‘День когда окончился, (что) люди в селение пришли, (она) начала слышать.’ (Иохельсон, 1934, с. 147)

(20) алеут.

atakun tajaqun qaḡiqadamdin txidin-qujukun tutanax ‘.

‘...те люди, после того как вошли, легли, – она слышала.’ (Иохельсон, 1934, с.147).

(21) алеут.

Aḡajax axtxadagim itikux ‘, ukuxtakū, nagwa.

‘Скоро после того как встал, он вышел, она увидела вот.’ (Иохельсон, 1934, с. 148)

Важно отметить, что синтаксические конструкции данного алеутского текста – это развернутые инкорпоративные комплексы. Следовательно, в диахронии алеутского языка были, по-видимому, противопоставлены инкорпоративные слова-предложения с эвиденциальными компонентами, указывающие на невидимые или на видимые ситуации.

Грамматически обязательную в ряде языков мира (и языков Северной Азии) противопоставленность чувственно засвидетельствованных невидимых и видимых ситуаций возможно, по нашему мнению, объяснить как отражение системами этих языков в диахронической ретроспективе фундаментальной ментальной оппозиции древнего мифологического типа мышления – оппозиции видимого и невидимого. Это одна из центральных бинарных оппозиций мифологического типа мышления [Леви-Строс, 1983]. Е. А. Мелетинский в работе «Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса» подчеркивает: «Анализ Леви-Строса демонстрирует, что мифологическая мысль оперирует обширным набором бинарных оппозиций ... исходным материалом этих бинарных оппозиций служат чувственные свойства, познаваемые пятью органами чувств» [Мелетинский, 1983, с. 504–505]. Это дает основание предполагать, что в аспекте диахронической типологии сенсорно-эвиденциальные глагольные граммы и грамматические формы являются древними по происхождению, диахронически ранними, а возможно, даже и генетически первичными эвиденциальными граммами.

В истории изучения глагольной категории эвиденциальности (или засвидетельствованности) сенсорно-эвиденциальные глагольные формы и граммы описывались преимущественно на материале языков американских индейцев, например: [Willett, 1988]. Отметим, что эскимосско-алеутские языки традиция американистики относит к индейским языкам. Поэтому данные об особенностях грамматикализации сенсорной эвиденциальности в эскимосско-алеутских языках важны для межконтинентального лингвотипологического сопоставления языков народов Северной Азии и Северной Америки.

В данной связи весьма интересно, что в шаманских обрядах и самодийские, и юкагирские шаманы употребляли сенсорно-эвиденциальные глагольные формы в сообщениях о действиях своих духов-помощников, которые считались невидимыми.

Вообще же, в современных языках мира грамматикализованная сенсорная эвиденциальность встречается редко и только в тех языках, которые обслуживают или обслуживали в недавнем прошлом традиционные этнические культуры древнего происхождения. Так, во многих языках Евразии имеются эвиденциальные глагольные граммы и грамматические формы. Однако сенсорно-эвиденциальные граммы и грамматические формы в подавляющем большинстве этих языков отсутствуют. До недавнего времени сенсорно-эвиденциальные граммы были известны в Евразии под термином «аудитив» только по материалам четырех самодийских языков: ненецкого, энецкого, нганасанского и селькупского. Но недавно близкий грамматико-семантический аналог самодийского аудитива был выявлен нами в архаичных текстах традиционного юкагирского фольклора, записанных В. И. Иохельсоном в конце XIX – начале XX вв. [Ильина, 2010; 2016]. Это дает основание предполагать, что в прошлом, в диахронической ретроспективе, сенсорно-эвиденциальные граммы были значительно более широко распространены в языках Евразии, в частности, в уральских и алтайских языках.

Модернизация традиционных этнических культур древнего происхождения привела к постепенной утрате мифологического типа мышления с его фундаментальной бинарной оппозицией видимого и невидимого. В результате была утрачена коммуникативная потребность в грамматически обязательном выделении языками невидимых ситуаций. Вследствие этого сенсорно-эвиденциальные глагольные формы либо элиминировались, как, например, аудитив в селькупском языке [Кузнецова и др., 1980, с. 242; 247], либо кардинально изменялись семантически, например, модализовались, утрачивая не только базовые сенсорно-эвиденциальные значения, но и вообще эвиденциальную семантику.

Список литературы

Ильина Л. А. Самодийская глагольная грамма аудитива и ее юкагирский аналог // Материалы III Междунар. науч. конф. по самодистике. Институт филологии СО РАН, 26–28 октября 2010 г. / Отв. ред. С. И. Буркова. Новосибирск: Любава, 2010. С. 99–106.

Ильина Л. А. К проблеме социокультурной детерминации эвиденциальных граммем и оппозиций в языках Северной Азии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 1 (вып. 30). С. 20–29.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1900. Ч. 1. 240 с.

Иохельсон В. И. Унанганский (алеутский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л.: Госучпедгиз, 1934. Ч. 3. С. 129–148.

Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушикина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Наука, 1980. 411 с.

Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во МГУ, 1993. 196 с.

Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. 782 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.

Мелетинский Е. М. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса // Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 467–522.

Ненецкий фольклор. Л.: Госучпедгиз, 1960. 293 с.

Ненецкий фольклор. Мифы, сказки, исторические предания. Красноярск, 1995. 222 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Терещенко Н. М. Ненецкий эпос: материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1999. 336 с.

Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford U. Press, 2004.

Lehtisalo T. Yuraksamojedische Volksdichtung. Helsinki, 1947. 615 p.

WilletTh. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // Studies in Language. 1988, vol. 12, no. 1.

Список условных обозначений и сокращений:

нен. – ненецкий язык; **сельк.** – селькупский язык; **юк. к.** – юкагирский колымский язык; **AUD** – форма аудитива; **1SG** – личный аффикс 1-го лица единственного числа; **2SG** – личный аффикс 2-го лица единственного числа; **3PI** – аффикс 3-го лица множественного числа.

References

Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford, Oxford U. Press, 2004.

Iokhel'son V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge. Ch. 1* [Materials on the study of the Yukagir language and folklore, collected in the Kolyma district. Pt. 1]. St. Petersburg, Izd. Imp. Akad. nauk, 1900, 240 p. (In Russ.).

Iokhel'son V. I. Unanganskiy (aleutskiy) yazyk [Unangan (Aleut) Language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. 3* [Languages and writing of the peoples of the North. Pt. 3]. Moscow, Leningrad, Gosuchpedgiz, 1934, pp. 129–14. (In Russ.).

Il'ina L. A. Samodiyskaya glagol'naya grammema auditiva i ee yukagirskiy analog [Samoyedic verbal grammeme with auditive meaning and its Youkaghir analogue]. In: *Materialy 3 Mezhdunar. nauch.konf. po samodistike, Institut filologii SO RAN, 26–28 oktyabrya 2010g.* [Materials of the 3rd International conference on Samoyedic Studies, Institute of Philology, SB RAS, 26–28 Oct. 2010.] S. I. Burkova (Ed.). Novosibirsk, 2010, Lyubava, pp. 99–106. (In Russ.).

Il'ina L. A. K probleme sotsiokul'turnoy determinatsii evidential'nykh grammem i oppozitsiy v yazykakh Severnoy Azii [Towards the problem of socio-cultural determination of evidential grammemes and oppositions in Northern Asian languages]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, iss. 30, pp. 21–29. (In Russ.).

- Kupriyanova Z. N. *Epicheskie pesni nentsev* [Epic songs of the Nenets]. Moscow, Nauka, 1965, 782 p. (In Russ.).
- Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu. Khelimskiy E. A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Moscow, MSU, 1993, 196 p. (In Russ.).
- Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays on the Selkup language (Taz dialect)]. Moscow, Nauka, 1980, 411 p. (In Russ.).
- Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung*. Helsinki, 1947, 615 p.
- Levi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, Nauka, 1983, 536 p. (In Russ.).
- Meletinskiy E. M. Mifologiya i fol'klor v trudakh Levi-Strosa [Mythology and Folklore in Levi-Straus's Works]. In: Levi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 467–522. (In Russ.).
- Nenetskiy fol'klor* [Nenets folklore]. Leningrad, Uchpedgiz, 1960, 293 p. (In Russ.).
- Nenetskiy fol'klor. Mify, skazki, istoricheskie predaniya* [Nenets folklore. Myths, tales, historical legends]. Krasnoyarsk, 1995, 222 pp. (In Russ.).
- Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: An introduction into problem issues]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 384 p. (In Russ.).
- Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [The introduction into grammatical systems of the world's languages]. Moscow, RSUH, 2011, 672 p. (In Russ.).
- Tereshchenko N. M. *Nenetskiy epos. Materialy i issledovaniya po samodiyskim yazykam* [Nenets epos. Materials and Research in of the Samoyedic language]. Leningrad, Nauka, 1990, 336 p. (In Russ.).
- Willet Th. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality. *Studies in Language*. 1988, vol. 12, no. 1.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
08.09.2020

Сведения об авторе

Ильина Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
E-mail: Ludil60@mail.ru
ORCID 0000-0002-3469-9353

Information about the Author

Ludmila A. Ilyina – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: Ludil60@mail.ru
ORCID 0000-0002-3469-9353